Аналитическая записка № 18
24 января 2023

Восточная Европа в 2022 году: главный очаг будущей мировой войны?

Сергей Богдан, Денис Мельянцов, Евгений Прейгерман

Резюме

Нежелание глобальных игроков учитывать интересы друг друга, а также попытки пересмотреть правила игры и установить выгодную им новую нормативность в международных отношениях привели мир к российско-украинской войне. Она сделала давно начавшуюся трансформацию ландшафта европейской безопасности безвозвратной и создала возможности для коррекции международных норм и реалий силовым путем.

Содержание

1 Война как конец и война как начало
2 Фрагментация региона
3 Все больше людей с ружьем
4 Стремление Польши к преобладанию в регионе и континентальной Европе
5 Возвращение Германии?
6 Можно ли долго плыть против течения?
7 Рост российского военного присутствия на «белорусском балконе»
8 Вместо прогноза: на пути к мировой войне?

Эти события не стали новинкой 2022 года, а следовали из тенденций, описанных ранее в многочисленных публикациях «Минского диалога»: региональной милитаризации, распада системы мер военной транспарентности, враждебной риторики и военно-политической конфронтации. Так, в прошлогодней итоговой аналитической записке «Безопасность Восточной Европы в 2021 году: балканизация региона» мы отмечали на основании динамики показателей мониторинга «Минский барометр», что «темпы военных приготовлений в регионе усиливаются и достигают опасных значений». Отдельно мы подчеркивали, что «ведущее к отказу Беларуси от нейтрализма давление со всех сторон способствовало срастанию очагов региональной напряженности – началу слияния

донбасского, крымского и белорусского кризисов и их взаимоусилению». На таком фоне конкретное место и момент начала войны были лишь делом времени, поскольку были созданы все предпосылки для вооруженного конфликта.

Война как конец и война как начало

Регион шел к войне не один год, меняя логистику, коммуникации и политэкономию международных отношений в Восточной Европе. Идейное сопровождение этих процессов было обеспечено мега-идеологиями евроатлантизма (включающему в себя отсылки к набору либеральных ценностей) и российской имперской реставрации (с отсылками к концепции традиционных ценностей). Однако идеологические платформы лишь усиливали процессы, основным же драйвером был конфликт интересов.

> Москва не смогла достигнуть быстрых результатов в ходе военной кампании в Украине. Фундаментальной проблемой стала недооценка субъектности и жизнеспособности Украины как государства.

Многие в России ожидали, что украинские чиновники и военные массово прекратят подчиняться Киеву вскоре после начала боевых действий и перейдут на российскую сторону. Этим, вероятно, объясняется и выбранная тактика: до осени Россия воевала армией мирного времени и не проводила мобилизацию. Также в Москве ожидали, что быстрые военные успехи не позволят активно вмешаться в ситуацию западным государствам (что соответствовало оценкам и в некоторых западных столицах).

Однако эти расчеты не оправдались, особенно на севере Украины, который армия РФ покинула уже к середине весны. На юге ситуация развивалась несколько более успешно для Москвы: российские войска к лету пробили и расширили сухопутный коридор в Крым. Этот коридор, очевидно, был одной из первоочередных целей Москвы в войне. Однако дальнейшее наступление завязло на подступах к Николаеву, и Россия не смогла достичь вторую стратегическую цель – лишить Украину выхода к морю с последующим соединением с российскими и пророссийскими силами в молдавском Приднестровье. На третьем направлении – востоке Украины, т. е. Донбассе – Москва смогла взять под контроль новые территории, но вскоре увязла в малоподвижных боях. Это неудивительно, учитывая многолетнюю подготовку украинцев к российским действиям именно на этом направлении.

Постепенно РФ переключилась на тактику «перемалывания» Вооруженных сил Украины (ВСУ) при максимальном сохранении своего личного состава. Но в конце концов осенью Москва была вынуждена прибегнуть к частичной мобилизации, на фоне стагнации на фронте и стремительного снятия ограничений на поставки западного вооружения Киеву.

В сентябре Украина провела успешное контрнаступление на харьковском направлении, освободив около 3 тыс. кв. км территории, в конце сентября ей также удалось отбить город Лиман. В ноябре российские войска оставили город Херсон и окрестности и организованно отступили, сохраняя сухопутный коридор в Крым и боеспособный контингент. Под Бахмутом, начиная с лета, российские войска сравнительно небольшими силами продолжили медленно продвигаться вперед. Этот район превратился в подобие «верденской мясорубки» времен Первой мировой войны.

Осенью произошли качественные изменения: началась «война городов». Москва стала уничтожать критическую гражданскую инфраструктуру Украины, а Киев, в несравнимо меньших масштабах, начал наносить удары по сопредельным российским областям. Еще раньше Украина начала опробовать более асимметричные формы войны, которые подразумевают атаки и диверсионные действия в тылу противника. Ей удалось провести ряд громких операций в глубине российской территории, в том числе в отношении важнейших военных объектов. Например, 5 и 26 декабря украинские военные нанесли удары с применением беспилотников по аэродромам в Саратовской и Рязанской областях РФ, на которых базируются стратегические бомбардировщики.

К концу года война приобрела малоподвижный характер уже на всех направлениях, произошло «замораживание» линии фронта. В декабре российская армия взяла деревню Павловка, что стало ее крупнейшим успехом с лета. 22 декабря начальник Генштаба РФ Валерий Герасимов заявил, что основные усилия войск сконцентрированы на Донбассе.

10 ноября генерал Марк Милли, председатель Объединенного комитета начальников штабов США, оценил потери России и Украины в войне как «гораздо больше» 100 тыс. человек с каждой стороны. Подобные оценки звучали и от европейских политиков. Выступая 30 ноября, глава Еврокомиссии Урсула фон дер Ляйен заявила: «Согласно оценкам, на сегодняшний день было убито более 20 тыс. мирных жителей и 100 тыс. украинских военных». Позже Еврокомиссия скорректировала это заявление, добавив, что речь идет об общем количестве убитых и раненых.

Росли риски более активного вовлечения в войну третьих государств, расширения боевых действий на новые страны, а также особенно опасного слияния войны в Украине с очагами напряженности и войнами в других частях мира.

> Последнее при наиболее неблагоприятном сценарии может стать механизмом перерастания локальной войны в сеть взаимосвязанных конфликтов и их слияния в мировую войну.

И без того малочисленные попытки миротворчества выглядят еще менее перспективными. Эта ситуация сохранится до момента, когда либо эскалация вплотную подойдет к черте глобального ядерного конфликта, либо наступит взаимное истощение на поле боя, либо масштабы экономического кризиса сформируют доминирующий общественный запрос на окончание войны.

Фрагментация региона

> Российско-украинская война стала удобным объяснением всему происходящему в регионе, но зачастую это мнимое объяснение явлений и процессов, имеющих иные происхождение и мотивацию.

Примером является углубление рубежей и милитаризация в уже разорванном между военными блоками регионе. Этому в значительной мере способствовал спад международного сообщения во время двухлетней пандемии, а сами транзитные потоки и соединенность (connectivity) региона начали разрушаться намного раньше и в результате целенаправленных действий многих сторон.

В 2022 году Литва успешно ограничила российский транзит в Калининградскую область, оставив к августу лишь железнодорожный транспорт, а затем продолжила попытки остановить и его, сославшись на проблемы с приемом оплаты транзитных услуг. Одновременно была озвучена идея блокады российского судоходства на Балтике.

Меньший резонанс вызвали меры, предпринимаемые странами ЕС-НАТО и Украиной в отношении сообщения с Беларусью. На фоне постепенного прекращения железнодорожного сообщения с весны были введены запрет на грузоперевозки белорусскими и российскими перевозчиками в ЕС и ответная симметричная мера относительно перевозчиков из стран ЕС в Беларуси и России (хотя в конце года Минск в одностороннем порядке отменил свой запрет). Сопредельные страны (особенно Литва и Польша) продолжали повышать степень

неопределенности в отношении любого движения людей и транспорта через границу с Беларусью, значительно и без публичного объявления сокращая число пропускаемых людей и транспортных средств. Это привело не только к большим очередям, но и де-факто усилило полублокаду Беларуси. Параллельно Литва и Польша возвели первоначальную стену на границе с Беларусью с намерением ее укрепить, а Латвия приступила к строительству такой стены. Украина заминировала границу с Беларусью. В приграничных с Беларусью районах Польши ограничена деятельность СМИ и НГО, а пересекающие эту границу лица, ищущие убежище, оказываются в неясной правовой ситуации, когда соблюдение в их отношении правовых норм ЕС и международных конвенций оказывается под вопросом.

В начале ноября началось возведение ограждения и на польско-российской границе в Калининградской области. Этот шаг положил конец остаткам системы местного приграничного передвижения между РФ и Польшей, которую Варшава начала ликвидировать с 2016 года. Формальным поводом строительства ограждения названа гипотетическая опасность притока нелегальных мигрантов. Такой же забор на границе с РФ строит Эстония, а Финляндия – планирует это сделать.

Все больше людей с ружьем

В регионе становилось не просто больше непреодолимых границ – вдоль этих границ росло число военнослужащих, готовых к применению военной силы. На саммите НАТО в Мадриде была принята новая Стратегическая концепция альянса, в которой Россия названа «самой значительной и прямой угрозой». Среди непосредственных угроз, связанных с РФ, в документе упомянута «военная интеграция с Беларусью». Страны НАТО договорились о «долгосрочной поддержке» Украины и дальнейшем увеличении своих военных расходов, а также пригласили Швецию и Финляндию вступить в альянс.

На том же мадридском саммите балтийские страны потребовали постоянного размещения на своей территории иностранных военных контингентов численностью 50 тыс. военнослужащих для обороны «Сувалкского коридора» (на момент саммита их численность составляла около 4 тыс.). Конкретные решения по усилению восточного фланга НАТО опубликованы не были, но было объявлено об увеличении численности Сил реагирования с 40 тыс. до 300 тыс. солдат. Президент Байден заявил, что США увеличат количество своих солдат и техники в Европе,

включая развертывание штаба 5-го корпуса в Польше (он станет первым американским соединением, дислоцированным на восточном фланге НАТО на постоянной основе), наращивание сил в странах Балтии, ФРГ и других регионах.

25 августа президент РФ Путин подписал указ, увеличивающий с 1 января 2023 года штатную численность вооруженных сил России на 137 тысяч военнослужащих до 2 млн 400 тыс. человек, включая 1 млн 151 тыс. военнослужащих. В ходе состоявшейся 21 декабря расширенной коллегии Минобороны России было объявлено о формировании двух новых военных округов – Московского и Ленинградского (из состава Западного), трех мотострелковых дивизий и армейского корпуса, двух десантно-штурмовых дивизий, пяти артиллерийских бригад и пяти дивизий морской пехоты. Вероятно, эти соединения будут дислоцированы в западном направлении, хотя значительная их часть в связи с расширением НАТО за счет Финляндии и Швеции уйдет на Северо-Запад РФ, во многом демилитаризованный в последние десятилетия. При этом планируется, что численность военнослужащих по контракту в ВС РФ к концу года достигнет 521 тыс. человек (в 2010-х гг. их численность удвоилась и составила в 2020 году 405,1 тыс.).

Стремление Польши к преобладанию в регионе и континентальной Европе

Война в Украине послужила катализатором перестановки сил в ЕС-НАТО. Польша сделала ставку на наращивание военного потенциала для фундаментального изменения военного баланса в регионе и внутри НАТО. Это происходит по двум направлениям: наращивание собственного военного потенциала и попытки стать де-факто главным американским союзником в континентальной Европе (в некотором роде аналогом другого американского союзника – Великобритании). Приведем несколько наиболее показательных фактов.

Польша заключила с США договор о закупке танков Абрамс и заявила о планах закупить 27 дивизионов системы M142 HIMARS, т.е. около 500 пусковых установок. Примечательно, что всего с начала 1996 года было изготовлено лишь 540 установок этой системы, которая создана как наступательное оружие для морской пехоты. Позже Варшава направила запрос на приобретение 96 американских вертолетов AH-64 Apache. В июле было подписано рамочное соглашение о закупке южнокорейских вооружений на сумму, по разным оценкам, от 15 до 20 млрд долларов. В список вошли 980 танков K2, 648 самоходных бронированных гаубиц K9 и 48 самолетов-штурмовиков FA-50.

Поставки южнокорейских вооружений начались уже в конце 2022 года и будут в основном завершены к концу 2025 года, после чего в Польше начнется производство этих видов оружия с участием собственной оружейной отрасли. Также польское правительство подписало с южнокорейским производителем контракт на поставку 288 РЗСО K239 Chunmoo и намерено купить «очень большое количество ракет», высокоточных радиусом действия до 70 км и тактических радиусом действия около 300 км. Кроме того, Варшава готовится приобрести американские ударные беспилотники MQ9B Reaper, а до их получения предварительно арендует такие БПЛА у производителя. И это несмотря на то, что в конце октября Польша начала получать турецкие ударные БПЛА «Байрактар».

> Все это указывает на планы Варшавы вооружиться как можно быстрее.

30 августа премьер-министр Польши Матеуш Моравецкий объявил, что в 2023 году и без того значительные военные расходы страны более чем удвоятся – до 29 млрд долларов. Это связано и с закупкой вооружений, и с планируемым увеличением численности армии (будут сформированы две новые дивизии). Также подготовлен законопроект, предусматривающий увеличение армии с нынешних 110 тыс. до 250 тыс. военнослужащих и формирование 50 тыс. резервистов (без введения воинской повинности). Одновременно Варшава продолжает сооружать объекты инфраструктуры для развертывания американских сил, прежде всего 5-го корпуса. В ноябре министр обороны Польши заявил о намерении расширить авиабазу США в Повидзе, на которой дислоцируются ударные вертолеты «Апач».

Возвращение Германии?

Несмотря на многочисленные претензии к Германии со стороны союзников по НАТО по поводу недостаточной активности Берлина в военно-политическом противостоянии с Москвой, все более отчетливо просматривается тенденция постепенного нарастания роли Германии в Восточной Европе. В июне стало известно, что правительство ФРГ решило увеличить имеющееся военное присутствие (более 1000 солдат) в Литве на 500 человек, а также разместить в самой Германии дополнительную бригаду (3500 солдат) для усиления сил НАТО в Литве. В июле в Литве заявили, что инфраструктура для расположения этой бригады на литовской территории должна быть готова к середине 2025 года (а не к 2027 году, как планировалось ранее). Ее подразделения расположатся в Паневежисе, Клайпеде, Сувалкии и Руднинкае. Вся строящаяся в настоящее время инфраструктура позволит разместить в стране еще 15 тыс. солдат.

Можно ли долго плыть против течения?

Естественным следствием санкций, введенных против Беларуси в конце 2020 – начале 2022 годов странами Запада и Украиной, стало беспрецедентное сужение поля Минска для внешнеполитического маневра. Это обстоятельство сделало невозможным продолжение белорусской политики ситуационного нейтралитета и предопределило роль Беларуси в российско-украинской войне. Санкции после начала войны привели к фактической полублокаде Беларуси: возможности для передвижения людей и товаров закрыты или существенно ограничены на всех границах, кроме российской.

> Такое положение дел, а также игнорирование странами ЕС-НАТО предложений Минска активизировать инструменты военной транспарентности в условиях нарастающей региональной милитаризации стимулируют дальнейшее сближение Беларуси и России во всех сферах, в том числе военной.

При этом Беларусь очевидно стремится избежать прямого вовлечения в боевые действия, в том числе за счет часто незамечаемых или игнорируемых СМИ и дипломатами действий. Например, Минск показательно вывел на границу с Украиной части специальных операций, в то время как на границы с Польшей и Литвой выводились полноценные войсковые соединения (в частности, мотострелковые части). Южные районы страны оставались в значительной степени демилитаризованными, там лишь началось обустройство границы. К слову, неподготовленность военной инфраструктуры южных районов Беларуси (как следствие прошлой политики ситуационного нейтралитета), судя по всему, существенно сузила возможности Москвы в проведении операции на киевском направлении. Создание Южного оперативного командования оставалось лишь планом в 2022 году. Правда, здесь явно имел место фактор отсутствия дополнительных войск и необходимого финансирования.

Показательны также подчеркнуто сдержанная реакция официального Минска на ракетный инцидент 29 декабря и остающиеся актуальными белорусские инициативы в области повышения транспарентности военной деятельности и мер доверия. Однако в условиях растущей региональной напряженности эти инициативы, если они остаются без ответа, не могут выдвигаться бесконечно, так как Минск вынужден повышать собственную обороноспособность доступными средствами, что в имеющихся условиях означает углубление военного сотрудничества с Россией.

Рост российского военного присутствия на «белорусском балконе»

В ситуации отсутствия у Минска и желания, и возможностей для участия в российской кампании в Украине Москва делает ставку на наращивание собственного военного присутствия в Беларуси. Вероятно, в этом контексте следует рассматривать и попытки белорусской стороны подключиться к стратегическому планированию, касающемуся в том числе доступа к ядерному оружию. Минск попробовал добиться не просто новых поставок дорогостоящих вооружений, но и повышения собственного статуса в регионе вообще и в отношениях с самой РФ, в частности. В конце июня руководители двух стран договорились «отзеркалить» модель доступа европейских союзников США к ядерному оружию («nuclear sharing»). Было решено дооборудовать белорусские самолеты для возможного применения ядерного оружия и подготовить летный состав. Также было объявлено о передаче Беларуси ракетных систем «Искандер-М», пригодных для запуска ракет с ядерными боеголовками.

В начале октября в связи с ростом напряженности принято решение о немедленном развертывании региональной группировки войск (сил) Беларуси и России. По официальным заявлениям, численность российских военнослужащих в составе совместной группировки должна была составить менее 9 тыс. человек. Минобороны Беларуси подчеркнуло, что воинские части будут размещены на четырех полигонах в восточной и центральной (не южной!) частях Беларуси, а основой группировки является белорусская армия «по штату мирного времени».

> В состав группировки также входят части и соединения Западного военного округа РФ и Балтфлота, что означает ее изначальную ориентацию на действия прежде всего в северном и западном направлениях (балтийском регионе), а не южном (украинском).

В конце октября Александр Лукашенко одобрил проект соглашения с РФ о создании и функционировании учебно-боевых центров совместной подготовки военнослужащих, которые, вероятно, можно рассматривать как прообразы военных баз. А в начале декабря был подписан протокол о внесении изменений в Соглашение между Республикой Беларусь и Российской Федерацией о совместном обеспечении региональной безопасности в военной сфере от 19 декабря 1997 года. Изменения упрощают процедуры функционирования группировки и возможности ее оперативного применения.

Вместо прогноза: на пути к мировой войне?

Оценивая совокупную динамику и направленность военной активности в Восточной Европе, можно констатировать очевидные тенденции, движущая сила (или инерция) которых не позволяет остановить или обратить их вспять.

Есть все основания ожидать, что российско-украинская война станет затяжной и растянется на годы. Стороны практически уравновешивают друг друга в смысле ресурсов, которые они могут использовать в войне, и, судя по всему, способны поддерживать приток ресурсов на этом уровне еще достаточно долго. Россия обладает огромными людскими и материальными ресурсами, но в силу различных причин пока не готова к их интенсивной мобилизации. Украина же, несмотря на свои объективно меньшие возможности, активно пользуется ресурсами стран НАТО и иностранных добровольцев. При этом рост поставок западного вооружения вряд ли ведет к линейному росту преимуществ Киева на поле боя. Опыт многочисленных конфликтов показывает, что технологические возможности западных вооружений переоценены в СМИ.

> Затягивание войны повышает вероятность ее перехода в более крупномасштабный формат и географического расширения, поскольку иного выхода из стратегического тупика может не быть.

Как мы показали выше, к такому расширению конфликта и готовятся страны региона.

Ситуационный нейтралитет, которого Беларусь придерживалась в предыдущие годы и который имел значительный деэскалационный потенциал для всего региона, оказался невостребованным сторонами конфликта и ключевыми акторами в Восточной Европе. Это стало понятно еще в 2020-2021 годах и полноценно проявилось в 2022 году. Рост российского влияния в Беларуси не просто принимается как неизбежность со стороны стран Запада и Украины – в некотором смысле превращение Беларуси в продолжение РФ в военно-стратегическом отношении выглядит для многих из них более приемлемым, чем стремление Минска к нейтралитету. Вероятно, нейтральный статус Беларуси сковывал бы действия сторон: не позволял бы России использовать территорию и воздушное пространство Беларуси и лишал бы противников Москвы возможности использовать Беларусь как площадку для поэтапной эскалации конфликта с Россией. Также, с точки зрения оппонентов Кремля, он создавал бы для России некое подобие «окна в мир» в виде потенциально нейтральной страны рядом с Москвой, тогда как в нынешнем варианте Беларусь становится для Москвы

дополнительным бременем в силу необходимости ее защищать и поддерживать. Эти расчеты могут казаться убедительными в краткосрочной перспективе, однако в итоге они могут стать фатальными для белорусской государственности и лишить регион многих возможностей для обустройства будущей модели безопасности.

Научный сотрудник, Институт истории им. Фридриха Майнеке Свободного университета Берлина; член Экспертного совета «Минского диалога»

Сергей Богдан
Старший аналитик Совета по международным отношениям «Минский диалог»

Денис Мельянцов
Координатор программы «Внешняя политика Беларуси» Совета по международным отношениям «Минский диалог»

Евгений Прейгерман
Директор Совета по международным отношениям «Минский диалог»